

ИЗ ИСТОРИИ ЯПОНО-АМЕРИКАНСКИХ ПЕРЕГОВОРОВ 1941 ГОДА

(От прихода кабинета Тодзио до Пирл-Харбора)

В. Родов

16 октября 1941 г. пал третий кабинет Коноэ. В тот же день в письме на имя американского посла в Токио, Грю, Коноэ утверждал, что «он и его коллеги, к великому сожалению, должны были уйти в отставку в связи с внутривластной ситуацией», хотя для всех наблюдателей было совершенно очевидно, что падение кабинета было связано с состоянием и перспективами японо-американских переговоров, начатых в марте того же года.

Грю в своих записях сообщает одну интересную деталь, проливающую свет на закулисную сторону ухода Коноэ и прихода Тодзио: в день падения кабинета Коноэ направил в посольство США своего личного секретаря, который «дал интересное объяснение обстоятельствам, приведших к отставке кабинета»; кроме того он информировал об «успешной попытке Коноэ добиться назначения своим преемником лица, которое будет продолжать переговоры с Соединёнными Штатами»¹.

Эта информация, сделанная по поручению Коноэ, вдвойне интересна: во-первых, она, несомненно, представляет тактический ход японцев, имевший целью ослабить впечатление от назначения Тодзио, успокоить американцев тем, что преемник Коноэ «будет продолжать переговоры», и, во-вторых, она означает, что сам Коноэ приложил руку к назначению Тодзио. Этот «деликатный» момент подтверждается как американскими, так и японскими источниками².

Назначение Тодзио, проведённое не без содействия Коноэ, дало основание Грю так же, впрочем, как и некоторым другим американским деятелям, построить нелепую и не выдерживающую критики концепцию о

том, что Коноэ, Кидо и другие японские саванники имели в виду избежать войны с Соединёнными Штатами именно при помощи кабинета Тодзио. Эта грубая ошибка американского посла в столь серьёзный момент ярко отражена в дневниках Грю. Назначение Тодзио, означавшее войну с Соединёнными Штатами в наикратчайший отрезок времени, находит у Грю совершенно превратную, фантастическую интерпретацию. «Мы думаем, — записал Грю через три дня после прихода Тодзио, — что резонным мотивом к отставке прежнего кабинета была надежда князя Коноэ на быстрый прогресс в переговорах с США в том случае, если наше правительство будет иметь дело с премьер-министром, занимающим руководящее положение в армии и пользующимся её поддержкой»³. Приписывая генералу Тодзио все возможные добродетели, Грю утверждает, что «он был одним из пяти членов кабинета Коноэ, которые прошлой весной (1941 г.) поддерживали открытие переговоров с США. Это — важно»⁴. В своём «анализе правительства Тодзио», сделанном 20 октября, Грю заявляет, что «было бы преждевременным заклеить правительство Тодзио как военную диктатуру, которая может привести к вооружённому столкновению с Соединёнными Штатами. Логично считать, что Тодзио в качестве генерала действительной службы будет в состоянии осуществить более эффективный контроль над экстремистскими группами армии»⁵. Такого рода оптимизм и надежды, возлагавшиеся на Тодзио, весьма характерны для позиции Грю в последний период его пребывания на посту американского посла в Токио.

Причины замены Коноэ генералом Тодзио достаточно ясны. Уход Коноэ явился результатом неудачи дипломатического нажима на Вашингтон с целью добиться — через Номура или при помощи самого Коноэ — признания Соединёнными Штатами «незаконности» японской агрессии и — в особенности — монопольного господства Японии в Китае.

³ Grew J. Op. cit., p. 460.

⁴ Там же, стр. 458.

⁵ Там же, стр. 460.

¹ Grew J. «Ten years in Japan», p. 458. New York, 1944.

² W. Root в своей работе «The Secret History of the War» (New York, 1945) пишет, что «кандидатура Тодзио была выдвинута императору хранителем печати, т. е. его главным советником Кидо», тесно связанным с Коноэ. Аналогичное сообщение мы находим у Тё Бунрен в его «Сенсо секинин Обогаки». Токио, 1946 («Кидо выдвинул Тодзио, посоветовавшись с Коноэ»).

Однако дело заключалось не только в этом. Военно-фашистская клика, решавшая судьбы Японии, приступила к реализации решения императорской конференции от 6 сентября (начать войну с США, если в первой декаде октября не будут приняты требования Японии). С этого момента японцы начинали непосредственную подготовку военной акции, уже ранее разработанной генштабом в мельчайших деталях. Пока что — в середине октября — не устанавливалась дата её выполнения. В целях подготовки и выполнения в кратчайший срок военной акции против США и была выдвинута «сильная» фигура генерала Тодзио; обладавшего всеми необходимыми «качествами». О генерале Тодзио написано немало, и его облик достаточно известен. Мы хотели бы подчеркнуть здесь некоторые, быть может, мало известные, новые штрихи, позволяющие ближе и яснее разглядеть одну из самых зловещных фигур в истории японского разбойничьего империализма.

Тодзио Хидеки был сыном военного, занимавшего довольно видное положение в армии в период русско-японской войны и известного своей глупчей ненавистью к России. Молодой Тодзио в 1905 г. окончил военную академию. Как истинный самурай, он был готов воевать; но в то время ассигнования на армию и численность её были сокращены. Тодзио, как и другие молодые офицеры, воспринял это как личное унижение. В последующие годы Тодзио получил хорошую военную подготовку: в 1919 г. он был назначен военным аташе в Германию, где усердно изучал немецкую военную науку. По возвращении в Японию Тодзио стал преподавателем академии генерального штаба. Он сделался последователем, а затем и консультантом Тояма Мицуру, без поддержки которого в Японии невозможно было сделать настоящую карьеру. С 1931 до 1938 г. Тодзио занимал командные посты в Квантунской армии. В первом кабинете Коноэ (1938 г.) он занимал уже пост вице-военного министра (при военном министре Итагаки); затем был генерал-инспектором военно-воздушных сил. Во втором кабинете Коноэ, летом 1940 г., он был назначен военным министром, сохранив этот пост и в третьем кабинете Коноэ. Это был один из самых молчаливых генералов в японской армии до того момента, когда он стал премьер-министром (одновременно оставив за собой военное министерство и министерство внутренних дел).

Целый ряд источников указывает, что Тодзио был связан узлами дружбы с генералом Танака и в своё время помогал ему в составлении его известного меморандума, представленного японскому императору 25 июля 1927 года. Дальнейшая деятельность Тодзио, в сущности, и была подчинена выполнению задач, сформулированных его наставником — генералом Танака. Общеизвестен один из основных постулатов меморандума Танака, гласящий: «Нам (Японии) предстоит оказаться лицом к лицу с Соединёнными Штатами... в будущем; если мы хотим контролировать Китай, мы должны прежде всего уничтожить (сокрушить)

Соединённые Штаты». Менее известно другое место из меморандума, представляющее собой как бы «историческое обоснование» необходимости «сокрушить Соединённые Штаты». «Следует напомнить, — пишет Танака, — что когда был подписан договор 9-ти держав, ограничивший нашу деятельность в Маньчжурии и Монголии, общественное мнение было крайне возбуждено. Покойный император Тайсё созвал на совещание Ямагата и других руководящих деятелей армии и флота для того, чтобы найти средство противодействия новому договору. Я был командирован в Европу и Америку в целях секретного установления позиции важнейших деятелей в отношении этого договора. Все они были солидарны в том, что инициатива при заключении этого договора принадлежала Соединённым Штатам. В этом я убедился из личного контакта с политическими лидерами Англии, Франции и Италии»⁶.

Тодзио вряд ли мог предать забвению это «открытие» Танака, преопределявшее непримиримость японских милитаристов по отношению к Соединённым Штатам.

С формированием кабинета Тодзио японо-американские переговоры не приостановились. Наоборот, они стали развёртываться в более стремительном темпе, обусловленном как форсированием развязки военного столкновения со стороны Японии, так и лихорадочными усилиями со стороны Америки оттянуть эту японскую акцию, о которой с некоторых пор американцы имеют возможность более чем догадываться. Дело в том, что уже начиная с октября⁷, как это устанавливается материалами «Объединённой следственной комиссии конгресса по расследованию событий в Пирл-Харбор» (Hearings before the Joint Committee on the Investigation of the Pearl Harbor attack. Washington. 1946), американцы получили в свои руки ключ к японскому шифру и имели возможность перехватывать многие (судя по материалам, повидимому, не все) шифрованные телеграммы из Токио в Вашингтон и из Вашингтона в Токио, а также и некоторую другую шифрованную переписку.

16—17 октября в Вашингтоне происходили непрерывные японо-американские переговоры, в которых со стороны американцев одновременно участвовали Хэлл и Уэллес. С приходом Тодзио японцы ещё с большим упорством стали требовать скорейшего ответа на свои предложения⁸. Новый министр иностранных дел Того в Токио и Номура в Вашингтоне усердно уверяли Хэлла, что «новый кабинет желает продолжать переговоры». Однако, как показал Хэлл на заседании «Объединённой следственной комиссии конгресса», «в октябре стало ясно, что

⁶ Цит. по «The China critic» № 39 от 24 сентября 1931 года. Shanghai. China.

⁷ Быть может, и ранее, но это нами точно не установлено. — Б. Р.

⁸ Предусматривавшие, в основном, оставление в силе обязательств, принятых Японией по тройственному пакту, и сохранение японских войск в Китае.

японцы решили нанести удар в намеченное ими время, если наше правительство не проявит готовности капитулировать перед японскими требованиями. Я постоянно обсуждал с президентом вопрос о том, чтобы выиграть больше времени, и этому вопросу мы уделяли много внимания в течение переговоров с японцами»⁹. Это заявление Хелла полностью соответствовало действительному положению в том смысле, что японцы уже «решили нанести удар». Но оно не совсем точно в той части, где Хэлл говорит о «намеченном времени», ибо имеются все основания утверждать, что в этот момент—в октябре 1941 г.—японцы ещё не установили даты своей военной акции против Соединённых Штатов. Как мы увидим, они это сделали несколько позднее.

Необходимо отметить, что ещё в середине октября американцы не отказались от тактики уступок и компромиссов, обусловленной в значительной степени их стремлением оттянуть как можно дальше угрозу разрыва переговоров. Из перехваченной американцами шифрованной телеграммы (от 14 октября, № 943) от Номура в Токио мы узнаём одну, не лишённую интереса деталь. В этот день состоялась встреча Номура с контр-адмиралом Тэрнером, повидимому, действовавшим в качестве посредника. В указанной телеграмме Номура информирует Токио о заявлении Тэрнера по вопросу о выводе японских войск из Китая. Контр-адмирал Тэрнер заявил, что «поскольку невозможно вывести войска сразу, нет возражений против соглашения (японо-китайского) о постепенном выводе войск»¹⁰. Вряд ли можно считать, что в данном случае ответственным представителем военно-морского командования США была высказана его частная, личная точка зрения. Предложение американцев о постепенном выводе японских войск из Китая нельзя не рассматривать как серьёзную уступку японцам по одному из важнейших пунктов японо-американских переговоров.

Однако японцы, приняв решение играть ва-банк, не были склонны хотя бы на один шаг отступить от своих требований. Решающую роль в их расчётах играла неизменная ориентация на гитлеровскую Германию. Из этого, однако, не следует, что японцы уже на данном отрезке времени стали посвящать Берлин в подробности своих переговоров в Вашингтоне. Скорее можно утверждать, что в этот момент японцы ещё в известной степени вели двойную игру по отношению к Берлину; они имели в виду поставить Берлин перед совершившимся фактом соглашения с Вашингтоном, в случае капитуляции—в последний момент—Соединённых Штатов перед японскими требованиями. Такое положение вещей подтверждается появившей в руки американцев шифрованной телеграммой (№ 1198 от 1 октября) из Берлина (от японского посла Осима) в Токио. В этой телеграмме Осима сообщал «о не-

довольстве немцев (а также, повидимому, и о своём собственном. — Б. Р.) тем, что японцы не информируют их подробно о японо-американских переговорах»¹¹. В связи с этим Осима предупреждал «о возможных последствиях, если Япония будет вести переговоры без консультации с Германией, ибо Германия может предпринять те или иные шаги без консультации с Японией».

«Двойная бухгалтерия» японцев, о которой не могли не догадываться немцы, несомненно, вызывала в Берлине раздражение и беспокойство, нашедшие своё отражение в приведённой выше телеграмме Осима. В октябре—ноябре немцы усилили свои демарши в Токио, подстёгивая тем самым японскую военно-фашистскую клику ускорить реализацию принятого решения о выступлении против Соединённых Штатов.

В связи с постепенным усложнением ситуации на Тихом океане и нарастанием военной угрозы начинается некоторая активизация в англо-американском лагере по линии военной подготовки. Как сообщает Накаяя Кендзи в своей работе «Тайхейбэ сенсо си»¹², в октябре в Маниле состоялась военная конференция представителей Соединённых Штатов, Великобритании и Голландии, посвящённая обсуждению создавшейся ситуации.

В первых числах ноября японо-американские переговоры вступают в самую критическую стадию, которую можно было бы назвать началом конца.

7 ноября Номура явился к Хэллу и заявил, что «он не имел определённых инструкций и не хотел отнимать время государственного секретаря, но теперь он получил инструкции, в соответствии с которыми он желает завершить переговоры»¹³. В настоящее время нам точно известно—а Хэллу было известно и в тот момент¹⁴—содержание этих инструкций, изложенных в шифрованной телеграмме от 5 ноября из Токио в Вашингтон (послу Номура) и гласивших следующее: «В связи с различными обстоятельствами абсолютно необходимо, чтобы вся подготовка к подписанию этого соглашения была закончена к 25 числу сего месяца... поймите это как следует и действуйте так, чтобы японо-американские отношения не оказались в состоянии хаоса. Эта информация—только строго для вас»¹⁵.

Данная телеграмма—первая из серии документов этого порядка, целиком и полностью раскрывающих японский замысел,—как и последующие шифрованные телеграммы из Токио, не ставят точки над «i» в том смысле, что в ней не указаны ни дата вы-

¹¹ Там же, стр. 104.

¹² Вышла в Токио в 1946 году.

¹³ Papers relating to the Foreign relations of the United States. U. S. Department of State. Japan. 1931—1941. Vol. II, p. 706—707.

¹⁴ «Я был в курсе содержания всех перехваченных телеграмм» (показание Хелла. Цитировано по «Hearings before the Joint Committee». Vol. II, p. 5373).

¹⁵ Там же. Т. 34, стр. 105 (Разрядка наша. — Б. Р.).

⁹ «Hearings before the Joint Committee on the Investigation of the Pearl Harbor attack». Vol. II, p. 5384, Washington. 1946.

¹⁰ Там же, Т. 34, стр. 103.

полнения военной акции, ни пункт, установленный в качестве её объекта (японцы не решились доверить это даже своему шифру), но её содержание и смысл не оставляют никаких сомнений: Токио информировал своего посла в Вашингтоне, что с этого момента переговоры с американцами лимитируются во времени и могут продолжаться только по 25 ноября, а по наступлении этой даты, в случае, если японские требования не будут приняты, начнутся последние приготовления к нанесению удара. Данная телеграмма указывает, несомненно, и на другое, а именно, что правительство Тодзио в этот момент установило уже и дату своей вероломной акции, иначе не было бы необходимости ограничивать время для переговоров.

Во исполнение поступивших из Токио инструкций Номура при встрече с Хэллом 7 ноября представил ему меморандум, в котором была изложена позиция японцев по поводу пребывания японских войск в Китае и Индо-Китае. Первый пункт гласил: «Что касается японских вооружённых сил, отправленных в Китай в связи с китайскими событиями, то эти вооружённые силы в определённых районах Северного Китая и Внутренней Монголии, а также и на острове Хайнан, останутся там на определённый, необходимый для этого период после восстановления мирных отношений между Японией и Китаем. Вывод остальных вооружённых сил начнётся вскоре после восстановления общего мира между Японией и Китаем»¹⁶. По вопросу об Индо-Китае в меморандуме было указано, что «японские вооружённые силы, расположенные в настоящее время в Индо-Китае, будут выведены, как только будут урегулированы китайские события или будет установлен справедливый мир в Восточной Азии».

Японский меморандум от 7 ноября вносил определённую ясность только в том смысле, что японцы безоговорочно требуют санкции на оставление своих войск в Северном Китае, Внутренней Монголии и на острове Хайнан, оставляя за собой право односторонне и по своему усмотрению установить продолжительность пребывания войск в указанных районах, независимо от «восстановления мирных отношений». Что касается остального — нахождения японских войск в Китае и Индо-Китае, — то оставался в силе всё тот же порочный круг: вывод войск обусловливался «восстановлением общего и справедливого мира в Восточной Азии», а эта японская формула означала монопольное господство Японии в Восточной Азии.

Свидание Номура с Хэллом 7 ноября привлекает внимание ещё и потому, что в этот день Номура уведомил Хэлла, что японское правительство «командировало в помощь ему посла Курусу». Как известно, Курусу, вылетев из Токио 5 ноября, находился уже по пути в Вашингтон. Следовательно, приведённая выше телеграмма из Токио от 5 ноября представляет чрезвычайный интерес ещё и потому, что она хоть и косвенно, но бесспорно свидетельствует, что дата нападения на территорию США бы-

ла установлена в Токио одновременно с отъездом Курусу или, во всяком случае, к дню отъезда Курусу миссия которого и явилась прямым результатом этого решения. С точки зрения Токио, присутствии Курусу в Вашингтоне должно было обеспечить продолжение переговоров до момента, желательного для японцев, т. е. до полного завершения подготовки к нанесению удара в заранее установленный, наиболее благоприятный момент. Тот факт, что миссия Курусу была связана с установлением именно в этот момент даты военной акции, подтверждается и Фредериком Муром, доверенным лицом Номура, находившимся на службе у японцев.

Исходя из того, что «Нападение на Пирл-Харбор (и одновременно на другие объекты) не могло иметь места без месячной подготовки, по крайней мере», Мур признаёт, что «очевидно, приказы соответствующим военно-морским соединениям проследовать в определённые пункты и быть готовыми к атаке были отданы приблизительно к моменту отъезда Курусу в Вашингтон»¹⁷. Мур сообщает далее, что «одновременно началась усиленная отправка войск в Южный Индо-Китай. Флотилии кораблей в секретном порядке вышли в определённые пункты, причём командиры имели запечатанные пакеты с приказанием атаковать, повидимому, Пирл-Харбор, Филиппины и Гонконг. Дата была фиксирована. Когда всё было подготовлено, японский министр иностранных дел уведомил правительство США о миссии Курусу и попросил обеспечить ему место в транс-тихоокеанском самолёте»¹⁸. Токийская телеграмма от 5 ноября в сочетании с признаниями Мура не оставляет ни малейших сомнений в том, что решение японского правительства было принято именно к моменту отъезда Курусу.

После свидания с Номура 7 ноября Хэлл в тот же день на заседании правительства, в информации о создавшейся обстановке в отношениях с Японией, заявил, что, по его мнению, «кризис на Дальнем Востоке стал неизбежным»¹⁹. Японо-американские переговоры продолжались, но без всякого успеха. 15 ноября Курусу прибыл в Вашингтон. «Совершенно ясно, — пишет по этому поводу Фредерик Мур, — что Курусу был информирован о том, что происходит и что готовится».

Дальнейшие события, для объяснения которых в своё время требовались гипотезы и предположения, могут быть в настоящее время восстановлены с максимальной точностью.

На следующий день после прибытия Курусу в Вашингтон Того очередной зашифрованной телеграммой (от 16 ноября) послал в адрес Номура следующие инструкции: «В эти несколько дней решается судьба империи, поэтому боритесь ещё более упорно, чем до сих пор... я установил последнюю

¹⁷ Moore F. «With Japan's Leaders», p. 257. New York. 1942.

¹⁸ Там же, стр. 258.

¹⁹ «Papers...» Vol. II, p. 359.

¹⁶ «Papers...» Vol. II, p. 709—710.

черту для завершения данных переговоров²⁰, и всё остаётся без изменений. Не давайте Соединённым Штатам возможности оттягивать переговоры. Оказывая на них давление в целях завершения переговоров на базе наших предложений. Делайте всё, что можно, для немедленного завершения»²¹. Номура и Курусу не жалуют усилий для пунктуального выполнения полученных директив. Как удостоверяет хорошо осведомлённый Мур, «по прибытии Курусу в Вашингтон, он (Курусу. — Б. Р.) руководил переговорами с Хэллом»²².

17 ноября по инициативе японцев состоялась встреча Номура и Курусу с Рузвельтом и Хэллом. Судя по записи Хэлла, развернувшаяся беседа приняла острый характер, в особенности по вопросу о тройственном пакте. Впоследствии Хэлл показал по этому поводу следующее: «Мы просили японцев отказаться от их союза с Германией и Италией, направленного непосредственно против нас, но они цеплялись за этот союз, как цепляются за свою жизнь»²³. К концу беседы для Хэлла было совершенно ясно, что, как он подчеркнул это в своей записи, Курусу не привёз ничего нового, что могло бы сдвинуть переговоры с мёртвой точки. Однако Курусу усиленно заверял Рузвельта и Хэлла в «мирных намерениях» Тодзио.

18 ноября состоялась одна из самых продолжительных бесед за весь период переговоров — беседа Хэлла с Номура и Курусу. Хэлл высказывался в том смысле, что соглашение вряд ли возможно, Номура и Курусу настаивали на необходимости во что бы то ни стало достичь соглашения на основе японских предложений. Курусу проявлял дух «уступчивости» и, повидимому, не без иронии обещал даже, что «после войны Япония начнёт проводить более умеренную политику»²⁴. На вопрос Хэлла, может ли Япония дать согласие на экономические предложения США (в основном «равные экономические возможности в Китае») Курусу не дал определённого ответа. Почти издеваясь над Хэллом, он спросил: «Не желают ли Соединённые Штаты восстановления Status quo ante? Что касается нас, то мы (Япония) могли бы вернуться к Status quo, существовавшему до 25 июля 1941 г.»²⁵. Хэлл поставил вопрос: «Если несколько смягчить «замораживание» фондов, то в какой степени это может привести Японию на путь мирной политики?» Беседа закончилась заявлением Хэлла, что «он будет консультироваться с англичанами и голландцами касательно японских предложений»²⁶.

²⁰ Имеется в виду дата 25 ноября, согласно приведённой выше телеграмме от 5 ноября.

²¹ «Hearings before the Joint Committee», Vol. 34, p. 106.

²² Моогге Ф. Указ. Соч., стр. 262.

²³ «Hearings...» Vol. 11, p. 5373.

²⁴ «Papers...» Vol. II, p. 364.

²⁵ Там же, стр. 365 (25 июля 1941 г. был опубликован декрет Рузвельта о «замораживании» японок фондов).

²⁶ Там же, стр. 366.

Заключительное заявление Хэлла является более чем странным, ибо никаких новых предложений японцы не сделали. Вообще нельзя не отметить чрезвычайно слабую позицию Хэлла в столь критический момент. Как показывает беседа с японцами 18 ноября, даже в этот момент приближения к «последней черте» у Хэлла всё ещё не переставали звучать ноты «умиротворения» и надежды на «возвращение Японии на путь мирной политики».

Следующей важной вехой в японо-американских переговорах явилось 20 ноября. В этот день Номура и Курусу представили Хэлли новый японский проект — последний свой проект в ходе переговоров. Проект состоял из следующих 5 пунктов: 1. Правительство Японии и Соединённых Штатов обязуются не предпринимать никакого вооружённого продвижения в какой-либо из районов Юго-Восточной Азии и в южную часть Тихого океана, исключая ту часть Французского Индо-Китае, где японские войска находятся в настоящее время. 2. Японское правительство обязуется вывести свои войска, расположенные в настоящее время во Французском Индо-Китае, по восстановлению мира между Японией и Китаем или по установлению справедливого мира на Тихом океане. В то же время правительство Японии заявляет, что оно готово перебросить свои войска, находящиеся в настоящее время в южной части Индо-Китае, в северную часть указанной территории, по заключении настоящего соглашения. 3. Правительства Японии и Соединённых Штатов должны сотрудничать, чтобы обеспечить приобретение товаров и ресурсов, в которых обе страны нуждаются в Голландской Ост-Индии. 4. Правительства Японии и Соединённых Штатов взаимно обязуются восстановить свои торговые отношения до уровня, предшествовавшего «замораживанию» фондов. Правительство США должно снабжать Японию потребным ей количеством нефти. 5. Правительство Соединённых Штатов обязуется воздержаться от таких шагов и действий, которые наносили бы ущерб попыткам восстановления общего мира между Японией и Китаем. Таким образом, в своих предположениях от 20 ноября, названных Хэллом ультиматумом, японцы предъявили американцам три требования: 1) отмена «замораживания» фондов, 2) поставка Японии потребного количества нефти и 3) прекращение помощи Китаю. В то же время на себя японцы не взяли никаких обязательств, за исключением призрачной «готовности» перебросить свои войска из Южного Индо-Китае в Северный. Две важнейшие проблемы — вывод японских войск из Китая и тройственный пакт — японцы обходили молчанием.

Через два дня после вручения японцами своего последнего проекта предложений, 22 ноября, Токио (Того) передало своим послам — Курусу и Номура — новую директиву, в тот же день перехваченную и расшифрованную американской разведкой. Вот полный текст этого знаменательного документа: «Обоим послам. Нам чрезвычайно трудно менять дату, установленную в моей

№ 736²⁷. Я знаю, как напряжённо вы работаете. Придерживайтесь нашей установленной политики и делайте всё, что можно. Не жалейте усилий и старайтесь добиться желательного нам результата. По причинам, которых вы не в состоянии знать, нам желательно определить японо-американские отношения к 25 числу, но если вы можете закончить ваши переговоры с американцами в течение 3 или 4 дней, если подписание может быть завершено к 29-му, если может быть совершён обмен соответствующими нотами, если мы можем добиться понимания с Великобританией и Голландией и если, коротко говоря, всё может быть завершено, то мы решили ждать до этой даты. Мы считаем, что эта дата является последней чертой, которая абсолютно не может быть изменена. После этого особые переговоры будут развиваться автоматически. Учтите это самым внимательным образом и работайте более напряжённо, чем когда бы то ни было. Всё вышеизложенное предназначается только для вас»²⁸.

Эта телеграмма из Токио означала, что японцы во изменение первоначального расчёта решили отложить на четыре дня начало военной акции. Повидимому, эти четыре дня потребовались дополнительно для обеспечения полной готовности к нанесению удара.

После того как японцы вручили свои предложения от 20 ноября, Хэлл имел все основания следующим образом оценить создавшуюся ситуацию: «Вся информация, полученная нами в этот период (ноябрь), ясно указывала, что Япония намерена произвести нападение, если Соединённые Штаты не капитулируют перед ней. Иными словами, Япония не имела намерения отказаться в какой-либо степени от своих захватнических планов и своими предложениями от 20 ноября давала Соединённым Штатам последнюю возможность сделать выбор между капитуляцией и войной»²⁹.

Несколько дней, отделявших 20 ноября — день представления японцами своих последних предложений, — от 26 ноября — даты вручения проекта предложений Хэлла, — были заполнены непрерывными совещаниями в Вашингтоне вокруг так называемого проекта *modus vivendi*, имевшего немало сторонников в государственном департаменте. Однако американцы в последний момент решили воздержаться от предложения этого нового проекта соглашения, о чём Хэлл на заседании «Объединённой комиссии конгресса по расследованию событий в Пирл-Харбор» показал следующее: «Из перехваченной японской телеграммы от 22 ноября мы имели бесспорное доказательство того, что японское правительство инструктировало своих представителей о том, что их условия должны быть приняты безоговорочно и в пределах определённого лимита времени — до 29 ноября. Читая эту телеграмму, я и мои помощ-

ники не могли не прийти к заключению, что японцы решили произвести нападение в случае, если Соединённые Штаты не сделают капитальных уступок. Хватаясь за соломинку, чтобы как-нибудь преодолеть создавшуюся ситуацию, мы выработали проект *modus vivendi*, имея в виду включение его в качестве составной части нашего ответа. Проект предусматривал участие правительства Великобритании, Австралии и Голландии в проведении мероприятий по смягчению «замораживания» фондов»³⁰. Хэлл сообщил далее, что после консультации с заинтересованными правительствами было принято решение не предлагать японцам проекта *modus vivendi*. Это показание Хэлла далеко не исчерпывающее, оно уклоняется от раскрытия всего содержания данного проекта, оставляя впечатление, что речь идёт только о некотором «смягчении мероприятий по «замораживанию японских фондов». Между тем авторы этого проекта «перемирья», повидимому, шли гораздо дальше. Некоторые американские источники³¹ утверждают, что проект *modus vivendi* предусматривал следующее: 1) эмбарго на экспорт в Японию смягчается, 2) Япония останавливается в Индо-Китае и 3) китайская проблема откладывается. Вряд ли можно сомневаться, что такой проект вызвал решительные возражения со стороны представителей Китая в Вашингтоне! Во всяком случае, Хэлл, несмотря на отчаянные попытки продолжать переговоры, в последний момент не решился предложить японцам этот проект, тем более что, будучи информирован о намерениях Токио, он вряд ли мог рассчитывать на принятие его японцами.

Американцы приступили к разработке своего ответа, который должен был быть вручён японцам в ближайшие дни. 26 ноября Хэлл вручил Номура и Курусу два документа, излагавших ответ Соединённых Штатов на японские предложения от 20 ноября. Первый документ представляет собой меморандум, содержащий общие положения и принципы, второй документ, в свою очередь, состоит из двух частей: часть первая, именуемая «проект совместной политической декларации», повторяющий ранее выдвинутые американцами «четыре принципа Хэлла», и часть вторая, именуемая «шаги, имеющие быть предпринятыми правительством Соединённых Штатов и правительством Японии»³². Предложения американцев от 26 ноября, перечисленные в этом документе, гласят следующее: 1. Правительство Соединённых Штатов и правительство Японии прилагает усилия к заключению многостороннего пакта о ненападении между Британской империей, Китаем, Японией, Голландией, Советским Союзом, Сиамом и Соединёнными Штатами. 2. Оба правительства приложат усилия к заключению между правительствами американским, британским, китайским, японским, голландским и сиамским соглашения, на основе которого каж-

²⁷ Речь идёт о дате 25 ноября.

²⁸ «Hearings...» Vol. 11, p. 5398. (Разрядка наша. — Б. Р.)

²⁹ Там же, стр. 5397.

³⁰ Там же, стр. 5411—5412.

³¹ Davies F., E. Lindley «How War came», p. 306—307. New York. 1942.

³² «Papers...» Vol. II, p. 766—770.

дое из указанных правительств обязуется уважать территориальную неприкосновенность Индо-Китая и в случае возникновения угрозы территориальной неприкосновенности Индо-Китая провести немедленную консультацию в целях принятия необходимых мер для устранения указанной угрозы. Таким соглашением будет предусмотрено, что ни одна из договаривающихся сторон не будет добиваться или соглашаться с режимом привилегий для своей торговли или экономических отношений с Индо-Китаем, а использует своё влияние в целях обеспечения каждому из участников соглашения равных возможностей в торговле с французским Индо-Китаем. 3. Правительство Японии выведет все свои военные, морские, воздушные и полицейские силы из Китая и Индо-Китая. 4. Правительство Соединённых Штатов и правительство Японии не будут поддерживать в области военной, политической и экономической никакое иное правительство или режим в Китае, кроме национального правительства Китайской республики с временной столицей в Чунцине. 5. Оба правительства откажутся от всех прав экстерриториальности в Китае, включая права и интересы в отношении международных settlements и концессий, а также по Боксёрскому протоколу 1901 года. 6. Правительство Соединённых Штатов и правительство Японии вступят в переговоры о заключении между США и Японией торгового соглашения, основанного на взаимном режиме наибольшего благоприятствования и ослабления обеими странами торговых барьеров. 7. Правительство Соединённых Штатов и правительство Японии упраздняют соответственно мероприятия по «замораживанию» японских фондов в Соединённых Штатах и американских фондов в Японии. 8. Оба правительства установят план стабилизации паритета доллара и иены с внесением необходимого для этого фонда половину внесёт Япония, другую половину — Соединённые Штаты. 9. Оба правительства солидаризируются в том, что никакое соглашение, заключённое одним из них с третьей державой или державами, не должно быть истолковано в таком смысле, который противоречил бы основной цели настоящего соглашения — установлению и сохранению мира во всех зонах Тихого океана. 10. Оба правительства используют своё влияние, чтобы побудить другие правительства оставаться верными и практически придерживаться основных политических и экономических принципов, изложенных в настоящем соглашении.

Учитывая тот непреложный факт, что американцам были известны последние директивы Токио в адрес его послов в Вашингтоне, следует констатировать, что проект американцев от 26 ноября означал, что они приняли вызов и, оказавшись перед альтернативой — капитуляция или война, избрали последнюю. Американская документация отмечает, что Курусу, пробрав проект предложений Хэлла, заявил, что «ответ на японские предложения от 20 ноября, повидимому, равносильен концу переговоров»³³. При этом

Курусу спросил Хэлла, «не заинтересованы ли Соединённые Штаты в каком-либо, хотя бы временном, *modus vivendi*?» Хэлл от определённого ответа уклонился.

Дальнейшее развитие событий наглядно отражено в очередной директиве из Токио, направленной в Вашингтон после ознакомления с американскими предложениями от 26 ноября. Приведём текст токийской шифрованной телеграммы от 28 ноября за № 844: «Вы (обращение к Номура и Курусу) предлагали сверхчеловеческие усилия, но несмотря на это Соединённые Штаты идут своим путём и представили это унижительное требование... императорское правительство ни в коем случае не может его принять в качестве базы для переговоров. Поэтому одновременно с изложением точки зрения императорского правительства в отношении этого американского предложения, которое я перешлю вам через два или три дня, переговоры будут фактически разорваны. Однако нежелательно, чтобы вы произвели такое впечатление, что переговоры разорваны. Скажите им, что вы ожидаете инструкции и что хотя точка зрения вашего правительства вам в точности неизвестна, но, по вашему мнению, императорское правительство всегда выдвигало справедливые предложения и принесло большие жертвы для сохранения мира на Тихом океане»³⁴.

Самое примечательное в данной телеграмме, классическом образце дипломатии обмана и вероломства, — это опасение Токио, как бы вашингтонские переговоры не оборвались ранее того момента, который намечен японцами. Это могло бы в какой-то степени переутратить карты, создать в последний момент непредвиденные осложнения и, чего доброго, сорвать внезапно столь тщательно подготовляемого удара. Опасения японцев ещё более очевидно выступают в телеграмме из Токио в Вашингтон, отправленной на следующий день, 29 ноября (№ 857): «Предлагается сделать в устной форме ещё одно представление: японское правительство затрудняется понимать, почему правительство США заняло такую позицию, сделав свои предложения от 26 ноября... выполняя эту инструкцию, будьте осторожны, чтобы это не привело к чему-либо вроде разрыва переговоров»³⁵.

Данная телеграмма содержит ещё и другой момент, на который нельзя не обратить внимания. Японское правительство, предписывая своим представителям в Вашингтоне сделать специальное представление по поводу американских предложений от 26 ноября, в пропагандистских целях интерпретировало эти предложения как американский ультиматум. Это нашло своё отражение и в телеграмме Токо от 28 ноября, где он назвал предложения Хэлла от 26 ноября «унизительным требованием». Известно также, что впоследствии, в унисон с японской пропагандой, противники Рузвельта выдвинули против него обвинение в предьявлении японцам ультиматума, который, как они утверждали, сделал войну неизбежной. Однако при

³³ «Papers...» Vol. II, p. 375.

³⁴ «Hearings...» Vol. II, p. 5401.

³⁵ Там же. Т. 34, стр. 111.

внимательном изучении документации, которую Хэлл вручил японцам 26 ноября, совершенно отпадает японская версия об ультиматуме. Американские предложения от 26 ноября по существу и по форме не представляли собой ультиматума. Достаточно сказать, что в тексте меморандума Хэлла, врученного японцам в этот день вместе с проектом предложений, указано, что «правительство Соединённых Штатов предлагает вниманию японского правительства план широкого и простого урегулирования, охватывающего Тихий океан в целом, как практическую программу, имеющую быть разработанной в течение наших дальнейших переговоров»³⁶. Нечего и говорить, что американцы действительно были готовы продолжать переговоры.

29 ноября в Токио, под председательством императора, состоялась новая конференция, на которой было принято окончательное решение. затем последовал приказ соответствующим военно-морским и воздушным соединениям, на которые было возложено выполнение операций против Соединённых Штатов.

Как сообщал японский источник этой периода после капитуляции Японии, на этой конференции, где решалась судьба японского империализма, присутствовали: Тодзио, Коноэ, Вакацуки (в прошлом премьер и председатель партии минсейто), Хирамура, адмиралы Окада, Ионаи и Симада (морской министр), затем Хирота, Хаяси, Абе, Хара (председатель тайного совета), Кайя (министр финансов), Того, Ока (начальник военного департамента морского министерства).

В телеграмме от 1 декабря из Токио в адрес Номура, отправленной после критической даты 29 ноября, читаем: «Дата, установленная в моей телеграмме № 812, наступила и миновала, и критический характер ситуации продолжает усиливаться. Чтобы устранить, однако, излишнюю подозрительность со стороны США, мы передали в прессу и другие каналы, что хотя и имеются значительные разногласия между Японией и Соединёнными Штатами, но переговоры продолжаются»³⁸.

Одновременно с отправлением этой телеграммы, как повествует японский источник, «соединённый флот, под командованием адмирала Ямамото Исороку, уже приближался к Гавайям, а воздушный корпус генерал-лейтенанта Эндо, находившийся в центральном Китае, вылетел в южном направлении»³⁹.

Нетрудно понять, что токийская телеграмма от 1 декабря, как это явствует из её текста, была вызвана беспокойством Токио за сохранение в тайне его намерений и продиктована стремлением «устранить подозрительность со стороны США». В этих целях японцы приняли и некоторые меры специального назначения. Известно, например, что в этот момент японцы сконцентрировали войска на границе Индо-Китай — Сиама, стремясь и, по видимому, безуспешно, обмануть бди-

тельность американцев в отношении Гаваев. Лица, информированные о настроениях в Вашингтоне, сообщают: «Последние числа ноября. Ситуация напряжена до максимума. В Вашингтоне полагают, что война начнется где-нибудь в Юго-Восточной Азии, в Сиаме или Малайе»⁴⁰.

В связи с этим замечанием авторов полу-официальной хроники событий нельзя не отметить, что американцы получали кое-какие тревожные сигналы и в отношении Гаваев. В числе перехваченных американцами в ноябре японских телеграмм фигурирует одна, № 111 от 15 ноября 1941 г., из Токио (Того) в Гонолулу (консулу): «Ввиду чрезвычайной критического состояния отношений между Японией и США, составьте ваши отчеты о судах в гавани» не регулярно, но не менее двух раз в неделю. Будьте максимально осторожны, чтобы сохранить тайну»⁴¹.

Другая телеграмма, № 113 из Токио (Того), в Гонолулу помечена 18 ноября 1941 г.: «Сообщите о судах, стоящих на якоре в следующих зонах: зона «N», Пирл-Харбор, залив Мамала и в прилегающих зонах. Ваши исследования сохраните в абсолютной тайне»⁴².

С первых чисел декабря ещё больше усилилась активность японских представителей в Вашингтоне. В соответствии с директивами из Токио им осталось ещё несколько дней поддерживать видимость переговоров. Эти последние дни нужны были японцам ещё и для окончательного согласования своих действий с Берлином и Римом.

1 декабря американская морская разведка перехватила следующую телеграмму из Токио в адрес японского посла в Берлине: «Переговоры между Токио и Вашингтоном теперь в состоянии разрыва. Передайте совершенно секретно Гитлеру и Риббентропу, что налицо крайняя опасность того, что неожиданно может вспыхнуть война между Японией и англо-саксонскими державами, и эта война может начаться быстрее, чем кто-либо воображает»⁴³.

Что касается имевшего место в эти дни контакта между Токио и Римом, то мы достоверно узнаём об этом из дневников Чиано, опубликованных в 1946 г. в Нью-Йорке с предисловием Сэмюэля Уэллеса, который пишет: «Вопреки недавним уверениям японских военных руководителей о том, что нападение на Пирл-Харбор было выполнено небольшой группой милитаристов без ведома ответственных представителей Японии, читатели этих дневников узнают, как японское правительство фактически за четыре дня до нападения на Пирл-Харбор уведомило германское и итальянское правительства, что Соединённые Штаты будут атакованы»⁴⁴.

Приведём запись самого Чиано по этому поводу: «Ошеломляющий шаг японцев. Посол просит приёма у Муссолини, которому он зачитывает длинную декларацию о ходе

⁴⁰ Davies F. E. Lindley. Указ. соч., стр. 308.

⁴¹ «Hearings...» Vol. 34, p. 114.

⁴² Там же, стр. 118.

⁴³ «Hearings...» Vol. 16, p. 2390.

⁴⁴ «Ciano Diaries». Foreword, p. XXVIII. New York. 1946.

³⁶ «Papers...» Vol. II, p. 767.

³⁷ Тё Бунрен «Сенсо секинна Обоэгаки», стр. 2. Токио. 1946.

³⁸ «Hearings...» Vol. 16, p. 2390.

³⁹ Тё Бунрен. Указ. соч., стр. 5.

их переговоров с Америкой, заканчивающуюся тем, что они достигли мёртвой точки. Упомянув затем соответствующую статью тройственного пакта, он просит, чтобы Италия объявила войну Америке, как только конфликт начнётся. Он предлагает нам также подписать пакт с Японией о том, чтобы не заключать сепаратного мира»⁴⁵. В записи от 5 декабря Чиано удостоверяет, что «одновременно японцы уведомили и Берлин»⁴⁶.

Последние дни ноября, и в особенности первые дни декабря, прошли под знаком отправки новых крупных контингентов японских войск и военного снаряжения в Индо-Китай. В связи с этим 2 декабря Уэллес по поручению Рузвельта запросил Номура и Курусу, с какой целью производится переброска войск в Индо-Китай. В телеграмме от 3 декабря из Токио в Вашингтон Номура и Курусу инструктируются, каким образом следует ответить на запрос американцев: «Объясните Соединённым Штатам следующее: циркулируют слухи об усилении наших гарнизонов во Французском Индо-Китае. Дело в том, что в последнее время имела место необычайная активность со стороны китайских войск вблизи границы, между Китаем и Индо-Китаем. Видю этого мы увеличили наши военные силы в некоторых районах Северного Индо-Китая. Поэтому, естественно, имела место некоторая переброска войск и в Южном Индо-Китае»⁴⁷. Разумеется, это обман и попытка дезориентировать. Фактически японцы заканчивали концентрацию войск в Южном Индо-Китае как плацдарме для крупных военных операций, которые должны были начаться через несколько дней.

Упомянутый выше японский источник приводит некоторые любопытные детали о том, как вели себя в решающие ноябрьские дни представители крупнейших японских монополий: «В ноябре 1941 г. когда военные действия с Америкой стали неизбежными, собралась группа руководящих деятелей японской экономической лиги (Ниппон Кейдзай Ремей) в лице Сато (Мицубиси), Касиваги (Июогами спэнси банк), Исиды (Мицуи), Танака (Мицубиси) и др. Для обсуждения создавшейся ситуации»⁴⁸.

Судя по дальнейшему изложению, кое-кто из участников данного совещания ставил вопрос, нельзя ли предотвратить войну с Соединёнными Штатами, но в принятом решении было подчеркнуто, что «надо быть готовыми к войне». Это свидетельствует лишь о некоторых колебаниях в последний момент перед началом войны, в развязывании и подготовке которой японские монополии приняли руководящее участие.

Наступили дни, когда развязанная и тщательно подготовленная война готова была разразиться каждый час. Ложь и лицемерие японских представителей в Вашингтоне проявились в этот момент с особой силой. В интервью с представителями прессы 2 де-

кабря Номура воскликнул: «Я не могу поверить, что кто-либо желает войны!»⁴⁹. Однако Исияма — финансовый советник посольства в Вашингтоне — в беседе с Муром может себе позволить быть более откровенным, сообщая ему 4 декабря, что «японские армии уже не могут остановиться»⁵⁰.

6 декабря последовало обращение Рузвельта к японскому императору, но, разумеется, оно не могло остановить «автоматического развития событий»⁵¹.

Из записи Грю узнаём, что происходило в Токио в последние часы японо-американских отношений в связи с посланием президента Соединённых Штатов: «Поздно вечером (6 декабря) получена телеграмма Хэйма, предлагающая немедленно передать японскому императору послание президента Рузвельта. Текст послания в виде шифрованной телеграммы поступил на токийский телеграф в полдень (согласно пометке телеграфа), но несмотря на особую срочность этой телеграммы она была доставлена в посольство только в 10 ч. 30 м. вечера»⁵². Грю «был принят Того в 12 ч. 15 м. ночи, попросив его устроить аудиенцию у императора, чтобы вручить ему лично послание Рузвельта. Того, однако, не проявил к этому особого интереса, заявив, что он «изучит этот документ и доложит его императору».

Независимо от того, было ли доложено послание Рузвельта японскому императору, не может быть сомнения, что военная акция японцев против Соединённых Штатов была выполнена с санкции верховной власти. В достаточной степени информированный о планах японцев Мур прямо признаёт, что «японский император дал свою санкцию на нападение на Пирл-Харбор»⁵³.

6 декабря в 10 ч. 40 м. утра, по вашигтонскому времени, в государственной департамент из Лондона от посла США Вайнанта поступила телеграмма (№ 5918) чрезвычайной важности, судя по пометкам, «весьма срочно. Лично и секретно — президенту и государственному секретарю». Текст её был краток и гласил: «Японский флот движется по направлению полуострова Кра»⁵⁴.

Эта телеграмма посла Вайнанта вряд ли могла быть неожиданностью для Вашингтона. Дело в том, что, как в настоящее время совершенно точно установлено, в Вашингтоне уже за несколько дней до этого момента стало известно, что японские крупные военно-морские силы начали движение в направлении южнее Шанхая и Формозы. Нечего и говорить, что дальнейшее движение японского флота на юг находилось под пристальным наблюдением английской и американской разведок, которые информировали

⁴⁹ Номура К. «Бейкоку ни сиситэ нитибей косё но кайко», стр. 163. Токио. 1946.

⁵⁰ Moore F. Указ. соч., стр. 280.

⁵¹ См. выше шифрованную телеграмму Того от 22 ноября.

⁵² Grew J. Указ. соч., стр. 487.

⁵³ Moore F. Указ. соч., стр. 270.

⁵⁴ «Hearings...» Vol. 11, p. 5377 (полуостров Кра находится в западной части Сиамского залива).

⁴⁵ «Ciano Diaries». Foreword, p. 414 (запись от 3 декабря 1941г.).

⁴⁶ Там же, стр. 415.

⁴⁷ «Hearings...» Vol. 34, p. 116.

⁴⁸ Тё Бу р е н. Указ. соч., стр. 179—180.

Лондон и Вашингтон, тщетно пытаясь разгадать, куда будет направлен первый удар.

Давая свои показания перед «Объединённой комиссией конгресса по расследованию событий в Пирл-Харбор», военный министр Стимсон сообщил о заседании военного кабинета (Рузвельт, Хэлл, морской министр Нокс, адмирал Старк, генерал Маршалл и Стимсон) 28 ноября: «Заседание посвящено изучению данных разведки о движении японского флота. Оно может означать нападение на Сиам, Голландскую Индию, Сингапур или на Рангун, чтобы перерезать Бирманскую дорогу в самом её начале. Возможность нападения на Пирл-Харбор не обсуждалась на данном заседании, поскольку наше внимание было сконцентрировано на движении японского флота в направлении Юго-Восточной Азии, что означало кризис в этом направлении. Движение флота, атаковавшего Пирл-Харбор, было нам совершенно неизвестно»⁵⁵.

6 декабря в Вашингтон поступила ещё одна телеграмма из Токио, означавшая приближение развязки. В этой телеграмме Номура и Курусу извещаются, что «им одновременно послан состоящий из четырнадцати частей ответ на американские предложения от 26 ноября. Это должно быть сохранено в тайне, а время представления этого ответа будет указано отдельной телеграммой»⁵⁶.

Текст японского ответа почти полностью (13 частей из 14), включая слова «Япония не может принять это предложение как базу для переговоров», был расшифрован и стал известен американцам в тот же день, 6 декабря, в 9 часов вечера, т. е. ещё за 17 часов до официального вручения его Хэллу японцами на следующий день, 7 декабря.

Больше того, из другой перехваченной телеграммы (из Токио в Вашингтон, 7 декабря 1941 г., № 907 «Вручите правительству Соединённых Штатов, если возможно, государственному секретарю, наш ответ Соединённым Штатам в 1 час дня 7 декабря по вашему времени»⁵⁷) американцы уже знали день и час, когда им будет вручён ответ японского правительства. Но они продолжали оставаться в неведении относительно того, в каком пункте произойдёт японское нападение. Стимсон показал по этому поводу, что так как было известно, что в этот день (7 декабря) японцы должны прийти с ответом, то он вместе с Ноксом в 10 ч. 30 м. утра посетил Хэлла, и они втроём обсуждали ситуацию. Хэлл выразил уверенность, что «японцы затевают какую-нибудь чертовщину», но, заявил Стимсон, «мы не знали, где будет нанесён удар»⁵⁸.

«В последний час» перед началом войны на Тихом океане события развивались следующим образом: в воскресенье, 7 декабря,

около 12 ч. дня⁵⁹, в ответ на телефонный звонок из японского посольства Хэлл назначил приём Номура и Курусу, согласно их просьбе, в 1 час дня. Через некоторое время (в 1 ч. 10 м.) японцы попросили перенести приём у Хэлла на 1 ч. 45 минут. Встреча была назначена на этот час. В 1 ч. 47 м. морской министр Нокс передал президенту Рузвельту по телефону только что полученную радиограмму адмирала Нимица (командующий Тихоокеанским флотом США) о нападении японцев на Пирл-Харбор. Президент Рузвельт немедленно по телефону известил Хэлла. В этот момент Номура и Курусу ещё не явились к Хэллу. Они задержались и прибыли в государственный департамент в 2 ч. 05 м. Хэлл принял их в 2 ч. 20 м. Номура вручил Хэллу пространный документ — ответ японского правительства, дающий японскую интерпретацию хода переговоров и заканчивающийся словами: «Японское правительство вынуждено, к сожалению, уведомить американское правительство, что, учитывая позицию американского правительства, оно не может не прийти к заключению о невозможности достигнуть соглашения посредством дальнейших переговоров»⁶⁰.

Закончив чтение японского документа, Хэлл, обратившись к японским представителям, заявил: «Должен сказать, что при всех моих переговорах с вами в течение истекших девяти месяцев я никогда не сказал ни одного слова неправды. Это абсолютно подтверждается официальными документами. За все 50 лет моей публичной деятельности я никогда не видел документа, столь наполненного позорной фальшью и искажениями — позорная фальшь и искажения в таком масштабе, что я никогда не представлял себе, что какое-либо правительство в этом мире в состоянии их выразить»⁶¹.

В обычной обстановке резкость не являлась чертой, присущей Хэллу, но в данный момент он уже знал о происшедшем за час до вручения японского документа вероломном нападении японских военно-морских и воздушных сил на Пирл-Харбор⁶². Номура и Курусу, не сказав ни слова, удалились⁶³. Свою миссию они выполнили.

Японо-американские переговоры 1941 г. были закончены.

Дипломатия Японии, её стратегия и тактика за 40 почти лет ни в какой степени не изменились. В своё время Япония начала войну с Россией неожиданной и вероломной торпедной атакой против русского флота, стоявшего на якоре в Порт-Артуре, за 48 часов до объявления войны, причём известно, что в ту самую ночь, когда японские мино-

⁵⁵ Здесь и ниже часы даны по вашингтонскому времени.

⁶⁰ «Papers...» Vol. II, p. 792.

⁶¹ Там же, стр. 787.

⁶² Нападение на Пирл-Харбор началось в 1 ч. 20 м. дня по вашингтонскому времени, или в 7 ч. 50 м. утра по времени Гонолулу.

⁶³ «Papers...» Vol. II, p. 385.

⁵⁵ «Hearings...» Vol. II, p. 5426.

⁵⁶ Там же. Т. 16, стр. 2390.

⁵⁷ Там же. Т. 34, стр. 124.

⁵⁸ Там же. Т. II, стр. 5427.

носцы проникли в Порт-Артур, готовясь к предательскому нападению, японский посланник в Петербурге, являя собой своеобразную «дымовую завесу», присутствовал на балу в Зимнем дворце. Точно так же и войну на Тихом океане с Соединёнными Штатами японцы начали неожиданно, в момент, когда ещё не были закончены переговоры в государственном департаменте в Вашингтоне.

И. В. Сталин подчеркнул это историческое «постоянство» стратегии японского империализма в словах: «Как известно, в феврале 1904 года, когда переговоры между Японией и Россией ещё продолжались, Япония,

воспользовавшись слабостью царского правительства, неожиданно и вероломно, без объявления войны,—напала на нашу страну и атаковала русскую эскадру в районе Порт-Артура... Характерно, что через 37 лет после этого Япония в точности повторила этот вероломный приём в отношении Соединённых Штатов Америки, когда она в 1941 году напала на военно-морскую базу Соединённых Штатов Америки в Пирл-Харборе»⁶⁴.

⁶⁴ И. Сталин «О Великой Отечественной войне Советского Союза», стр. 204. М. 1947.